

EDN: LOWXWI
УДК 904

Collective Burial in a Burnt Log Cabin at the Oglakhty Burial Ground: Context, Taphonomy, Ritual

Olga V. Zaitseva^{a*}, Ivan G. Shirobokov^{b, c},
Evgeny V. Vodyasov^a, Evgeniia N. Uchaneva^{b, c}
and Aleksei K. Kasparov^d

^a*D. Serikbayev East Kazakhstan Technical University
Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan*

^b*National Research Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation*

^c*Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), RAS
St. Petersburg, Russian Federation*

^d*Institute for the History of Material Culture RAS
St. Petersburg, Russian Federation*

Received 03.05.2024, received in revised form 08.07.2024, accepted 08.08.2024

Abstract. The article is devoted to a complex analysis of the materials of a collective burial in a burnt log cabin from the Oglakhty burial ground. The burial contained the remains of three people buried according to the rite of inhumation, as well as seven clusters of cremated human bones. No person was buried immediately after death. All three inhumations have evidence of secondary burial. The cremated bones show signs of delayed cremation. Based on a series of four radiocarbon dates, the complex is dated to the 2nd-3rd centuries AD. In the light of the obtained data, the previously proposed scheme of evolutionary change of the Tashtyk rite from simple graves to complex collective burials in burnt crypts through an intermediate stage with collective burials in burnt logs is reconsidered.

Keywords: Tashtyk culture, Oglakhty burial ground, secondary burials, delayed cremation, collective biritual burial, taphonomy

Research area: Theory and History of Culture and Art (Cultural Studies); Archeology.

The study was carried out within the framework of the Russian Science Foundation project (project No. 22–18–00478) “The Phenomenon of the Oglakhtinsky Burial Ground”. The authors thank the research fellow of the Experimental Traceological Laboratory of the Institute of Material Culture of the Russian Academy of Sciences A. A. Malyutina for the traceological analysis of the fish vertebra, and the senior research fellow of the Research Institute of Mathematical Archaeology of Moscow State University N. Ya. Berezina for consultations regarding the description of the pathological features of the studied skeletons.

Citation: Zaitseva O. V., Shirobokov I. G., Vodyasov E. V., Uchaneva E. N., Kasparov A. K. Collective burial in a burnt log cabin at the Oglakhty burial ground: Context, taphonomy, ritual. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci.*, 2024, 17(9), 1677–1690. EDN: LOWXWI

Коллективное погребение в сожжённом срубе на Оглахтинском могильнике: контекст, тафономия, ритуал

О.В. Зайцева^а, И.Г. Ширококов^{б, в},
Е.В. Водясов^а, Е.Н. Учанева^{б, в}, А.К. Каспаров^г

^аВосточно-Казахстанский технический университет им. Д. Серикбаева
Республика Казахстан, Усть-Каменогорск

^бНациональный исследовательский Томский государственный университет
Российская Федерация, Томск

^вМузей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Российская Федерация, Санкт-Петербург

^гИнститут истории материальной культуры РАН
Российская Федерация, Санкт-Петербург

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу материалов коллективного погребения в сожжённом срубе из Оглахтинского могильника. В погребении находились останки трех человек, похороненных по обряду ингумации, а также семь скоплений кремированных костей человека. Ни один человек не был погребён сразу после смерти. Все три ингумации имеют признаки вторичного погребения. На кремированных костях отмечены признаки отложенной кремации. На основе серии из четырех радиоуглеродных дат комплекс датирован II–III вв.н.э. В свете полученных данных пересматривается предложенная ранее схема эволюционного изменения таштыкского обряда от простых грунтовых могил к сложным коллективным погребениям в сожженных склепах через промежуточный этап с коллективными погребениями в сожженных срубах.

Ключевые слова: таштыкская культура, Оглахтинский могильник, вторичные погребения, отложенная кремация, коллективное биритуальное погребение, тафономия.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства; 5.6.3. Археология.

Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда (проект № 22–18–00478) «Феномен Оглахтинского могильника».

Авторы благодарят научного сотрудника Экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК РАН А. А. Малютину за трасологический анализ рыбьего позвонка, и старшего научного сотрудника НИИМА МГУ Н. Я. Березину за консультации, касающиеся описания патологических особенностей изученных скелетов.

Цитирование: Зайцева О. В., Ширококов И. Г., Водясов Е. В., Учанева Е. Н., Каспаров А. К. Коллективное погребение в сожжённом срубе на Оглахтинском могильнике: контекст, тафономия, ритуал. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(9), 1677–1690. EDN: LOWXWI

Введение

Оглахтинский грунтовый могильник (3–4 вв.н.э., таштыкская культура) впервые был исследован А.В. Адриановым в 1903 г. и сразу стал знаменитым благодаря необычным находкам человеческих «чучел» и «мумий» в гипсовых масках, а также прекрасно сохранившимся изделиям из органических материалов в части из раскопанных могил. Истории открытия и исследования могильника посвящена отдельная статья, знакомство с которой позволяет детально погрузиться в решение всех накопленных историографических проблем (Vodyasov, Pankova, Zaitseva, Vavulin, 2021).

В ходе исследований последних лет нами были получены принципиально новые данные о планиграфии и структуре Оглахтинского могильника в итоге совмещения данных аэрофотосъемки и комплексных геофизических исследований. На площади в 20 га зафиксировано более 300 объектов, связанных с разнотипными погребениями.

Одним из интригующих результатов масштабной магнитной разведки стало выявление на Западном участке могильника группы из 10 компактно расположенных аномалий, характеризующихся термоостаточной намагниченностью. Такие аномалии возникают на месте воздействия высоких температур, что сразу натолкнуло нас на мысли о нахождении здесь группы погребений в сожжённых склепах или срубках. В 1969 г. на этом же участке могильника уже было исследовано одно коллективное погребение в сожженном срубе, что косвенно подтверждало наши предположения (Kyzlasov, 1969: 49–51).

Для проверки нашей гипотезы о нахождении на Западном участке Оглахтинского могильника группы погребений с сожжёнными погребальными конструкциями было решено заложить раскоп над одной из выявленных магнитной разведкой аномалий с термоостаточной намагниченностью. В итоге было исследовано коллективное грунтовое погребение в сожженном срубе, всестороннему анализу которого и будет посвящена наша статья. В отчётной документации в соответствии с принятой для

памятника нумерацией данный погребальный комплекс обозначен как могила 2/2021 (Vodyasov, 2022).

Контекст и тафономия

На склоне Западного участка Оглахтинского могильника в скальной породе была вырыта, а вернее, по сути, выдолблена могила размером 3x2,2 м и глубиной 1,1–1,35 м, ориентированная по линии запад-восток. В могиле расчищен бревенчатый сруб, сложенный в два венца размером 2,2x1,5 м и высотой 0,4 м. Сверху сруб был укутан берестяными полотнищами, которые после сожжения сохранились лишь частично в восточной части. Точное количество слоев бересты не установлено. От сруба лучше всего сохранилось западное бревно первого венца, остальные бревна, включая перекрытие, либо полностью сгорели, либо сильно обуглены. Грунт и скальная порода вокруг сруба сильно прокалены, но при этом ни прокала, ни углей внутри заполнения сруба не встречено.

В погребении находились останки трех человек, похороненных по обряду ингумации, а также семь скоплений кремированных костей человека (рис. 1). Сопроводительный инвентарь представлен небольшим керамическим сосудом, колечком из бронзы, бусиной из рыбьего позвонка и костями животных. После расчистки погребения на основе технологии фотограмметрии была создана его детальная трехмерная модель, которая позволяет верифицировать предлагаемые нами реконструкции и альтернативные интерпретации.

3D-модель погребения находится в открытом доступе по ссылке <https://sketchfab.com/3d-models/2021-2-14c1399fa463464194359d48ac373902>

Положение и характеристика скелетных останков

У северной стенки сруба расчищен скелет 1, принадлежащий мужчине, умершему в возрасте 30–40 лет. У погребенного отмечены многочисленные патологии, из которых наиболее примечательны следующие. Тело первого поясничного позвонка дефор-

мировано вследствие клиновидного компрессионного перелома, а в области правого тазобедренного сустава наблюдаются следы обширного воспаления. К сожалению, головка и большой вертел бедренной кости не сохранилась, а правая безымянная фрагментирована вследствие посмертного разрушения. Однако на подвздошной кости, в области, граничащей с вертлужной впадиной, в области малого вертела, а также на шейке бедренной зафиксированы многочисленные следы патологических разрастаний костной ткани. Возможно, компрессионный перелом позвонка и воспалительный процесс правого тазобедренного сустава были изначально спровоцированы одной причиной, например неудачным падением, но нельзя также исключать, что патологии вызваны разными причинами. По всей видимости, способность к перемещению у мужчины была сильно ограничена. Вряд ли он мог передвигаться самостоятельно без опоры на костыли.

Кроме отмеченных особенностей отдельный интерес вызывает отверстие в передней части правой теменной кости. Отверстие имеет близкую к овальной форму с максимальными диаметрами 10x11 мм. Трепанации – нередкое явление для таштыкской культуры в целом и Оглахтинского могильника в частности. Но тут важно отметить, что все остальные трепанации у похороненных в Оглахтинском могильнике – затылочные, и они однозначно носят посмертный характер. Отверстие у нашего погребенного отличается локализацией и выполнено в принципиально другой технике, что позволило выдвинуть гипотезу о прижизненной медицинской трепанации (Uchaneva, Maljutina, Pankova, 2023). Однако этот вопрос требует дальнейшего исследования с привлечением судебных медиков, поскольку не исключена также и альтернативная версия, согласно которой отверстие возникло в результате ранения. По краям отверстия наблюдаются следы перестройки костной ткани вследствие некроза. Так или иначе, по всей видимости, именно с появлением отверстия следует связывать причину смерти мужчины.

Положение погребенного в могиле также весьма необычно (рис. 3). Покойный был уложен на живот лицом вниз. При этом его скелет располагался непосредственно над скоплением кремированных костей. Вероятно, погребенный был уложен поверх погребальной куклы с зашитыми в неё кремированными останками. Большинство скелетных элементов (череп, позвоночник, элементы грудной клетки, рук и левая бедренная кость) находятся в сочленении и в анатомическом положении. Часть скелетных элементов «сжата» (грудная клетка, «сведенные» лопатки), что наводит на мысль о фиксации этих частей трупа во время разложения. Фрагменты бересты над костями, возможно, указывают на плохо сохранившийся берестяной чехол. Сохранение анатомического порядка большинства элементов скелета свидетельствует о том, что тело умершего было размещено в погребении до его скелетирования. Исключения составляют нижние конечности. Кости правой ноги, находящиеся в сочленении, отделены от таза и находились на костях левой ноги со значительным смещением относительно естественного анатомического положения. Левые большая малая берцовые также отделены от скелета и развернуты относительно тела на 180 градусов. Малая берцовая при этом располагается частично под костями таза и костями правого предплечья. Следовательно, ко времени погребения связки между костями голени распались, а смещение костей могло произойти на этапе переноса останков.

Форма изгиба позвоночника, асимметрия в положении тазовых костей, посмертная деформация мозгового отдела черепа позволяют предполагать, что до переноса останков в могилу тело первоначально располагалось на боку. Деформация черепа проявляется в асимметрии мозгового отдела, появлении трещины в основании и сужении большого затылочного отверстия, а также в несоответствии расстояний между мышцелками нижней челюсти и нижнечелюстными ямками. Такая деформация наблюдается иногда на скелетах из захоронений, заполненных грунтом. Обычно она

объясняется давлением грунта на череп, однако нельзя исключать, что она может быть связана с другими причинами, обусловившими неравномерное высыхание черепа в промежуточном месте захоронения.

Скорее всего, здесь имело место погребение частично разложившегося трупа в берестяном чехле, который достаточно долго выдерживался или временно погребался где-то в другом месте. Между скелетом и берестяным дном в районе костей нижних конечностей зафиксирована прослойка песчаной супеси мощностью до 10 см, что указывает на факт подзахоронения в то время, когда могила уже успела немного заполниться грунтом. Более того, над этим скелетом в западной части могильной ямы на уровне сгоревшего бревенчатого перекрытия расчищено пятно желто-серой супеси размером 1,15x0,6 м. Учитывая полное отсутствие в этом пятне следов прокала и углей, его наличие объясняется тем, что в момент последнего подхоронения были разобраны несколько бревен полусгоревшего перекрытия. То есть последнее захоронение совершено уже после того, как сруб был подожжён. В пользу этой версии говорит также тот факт, что у скелета мужчины, подхороненного в сруб последним, полностью отсутствовали следы воздействия огня, тогда как скелеты двух других погребенных были частично обуглены.

У южной стенки сруба располагались плотно прижатые друг к другу останки женщины (скелет 2), умершей в возрасте старше 45 лет, и ребенка (скелет 3). На момент смерти возраст ребенка составлял 6–8 лет, если судить по длине костей, и 8–10 лет, если судить по стадии прорезывания зубов. У него зафиксированы признаки повышенной порозности костей черепа, в том числе верхних стенок глазниц, надбровья, верхнечелюстных и височных костей, а также турецкого седла. В области правого лобного бугра зафиксировано сквозное отверстие (максимальный диаметр отверстия 3,5 мм), возникшее вследствие разрастания пахионовидной грануляции. Причины наблюдаемых патологий могут быть разными: недостаток в организме определенных микроэлементов

и витаминов, голод, воспалительный процесс, вызванный инфекцией или паразитарной инвазией.

Элементы скелета ребенка, находившиеся вплотную к стенке горящего сруба, частично обуглились. Следы воздействия огня фиксируются на правой бедренной, обеих подвздошных костях, на части позвонков и ребер. У женского скелета обожжены проксимальный конец левой локтевой, медиальный мыщелок левой бедренной, головка и большой вертел правой бедренной, фрагменты правой безымянной. Обугливание костей произошло уже после скелетирования тел: губчатое вещество головки бедренной обожжено, а на диафизе следов воздействия огня нет, при этом мыщелок бедренной сильнее обожжен с внутренней стороны.

Очень интересно взаиморасположение плотно прижатых друг к другу скелетов женщины и ребенка. Ребенок лежит вплотную к первому венцу сруба на левом полубоку, при этом его череп развёрнут лицевыми костями вниз (рис. 4).

Скелет женщины расположен вытянуто на спине и частично перекрывает скелет ребенка сверху. Длинные кости рук и ног скелета женщины смещены к центру, при этом в некоторых случаях кости левой стороны оказались справа и наоборот. Многие длинные кости левой стороны развернулись на 180 градусов (рис. 5). Можно предположить, что такое расположение является следствием переноса останков в каком-то свертке. Осевой скелет еще сохранял к этому моменту целостность, тогда как связки между конечностями распались. Необычное расположение длинных костей в могиле может объясняться двумя причинами: 1. До размещения в могиле тело располагалось в скорченном/сидячем положении с подогнутыми в коленях ногами (в промежуточном захоронении или во время транспортировки); 2. Кости рук и ног, связки между которыми распались или были уничтожены грызунами ко времени окончательного захоронения, были непреднамеренно смещены участниками обряда при транспортировке тела, заверну-

того в сверток. Обе предложенные версии не исключают друг друга.

У женщины зафиксирована затылочная посмертная трепанация (подробнее см. Uchaneva, Maljutina, Pankova, 2023). На черепе ребенка сохранились следы гипса, под черепом также найдены фрагменты гипса, что говорит о том, что в момент погребения на лице ребенка была гипсовая маска.

Взаимное расположение костей скелета женщины и ребенка указывают на захоронение двух частично разложившихся трупов в органических чехлах. Следы воздействия огня на их костях указывают на то, что в момент сожжения сруба они находились внутри, при этом сруб не был заполнен грунтом. Сожжение сруба и обугливание костей произошло уже после их скелетирования.

Отчасти об условиях, в которых находилось тело до, во время и после погребения, позволяют судить следы погрызов животных, фиксируемые на костях. Теоретически такие следы могут оставлять как грызуны (крысы, мыши, белки), так и хищники (волки, собаки, лисы) и даже парнокопытные (олени, коровы, овцы). Некоторые животные грызут плотный кортикальный слой, восполняя потребности организма в кальции, тогда как другие концентрируются на губчатом веществе кости, насыщенном жирами. При этом если животное грызет кость с целью добычи минеральных веществ, оно оставляет нетронутым губчатую ткань, обнажающуюся в процессе уничтожения кортикального слоя (Klippel, Synstelien, 2007). Некоторые грызуны, такие как крыса, могут гнездиться в разложившихся человеческих останках и начать грызть человеческие останки еще во время разложения мягких тканей, питаясь кожей, жировыми отложениями и мышцами. Также крыса соскабливает ткани, покрывающие непосредственно кости, включая хрящи, мышцы и надкостницу, а также пожирает богатое жирами губчатое вещество. Иногда крысы могут глотать старые кости с признаками выветривания и пониженным содержанием питательных веществ,

но в небольшом количестве. Такое грызение объясняется потребностью затачивать резцы и исследовательским поведением (Synstelien, 2015).

В анализируемом нами погребении достоверные следы погрызов на костях скелета 1 минимальны и присутствуют на единичных костях кисти и стопы, а также на правой ветви нижней челюсти и латеральном крае правой лопатки. Характер следов говорит о том, что они оставлены мелкими грызунами. На костях скелетов 2 и 3 следы погрызов многочисленны и гораздо более выразительны, чем на скелете 1, что может свидетельствовать о разных условиях сохранения останков в период до размещения в могиле (рис. 6). Достоверные следы погрызов присутствуют на большинстве длинных костей рук и ног. В наибольшей степени от погрызов пострадал детский скелет. В обоих случаях главной целью грызунов была богатая жирами губчатая ткань эпифизов длинных костей, т.е. погрызы (по крайней мере большая часть) относятся ко времени до завершения скелетирования останков и, вероятно, появились в период расположения тела в промежуточном захоронении. С другой стороны, следы погрызов, зафиксированные на диафизах некоторых длинных костей ребенка, на нижних челюстях скелетов взрослых и правой лопатке мужского скелета, затронули только кортикальный слой кости. Как правило, это небольшие участки с частыми неглубокими погрызами, ориентированными перпендикулярно длинной оси кости. Беспорядочное расположение части мелких костей кисти и стопы в пространстве сруба, несомненно, свидетельствует об интересе грызунов к останкам уже на этапе их размещения в могиле. Известно, что те грызуны, которых интересуют именно сухие кости, обычно демонстрируют интерес к останкам спустя 30 месяцев после смерти или позднее (Klippel, Synstelien, 2007).

Можно предполагать, что останки погребенных подвергались грызению на двух этапах. На первом этапе грызуны уничтожали остатки мягких тканей, а также губчатое вещество костей. Возможно, что на-

блюдаемые на костях повреждения такого типа относятся к периоду, когда тела уже частично или в значительной степени были скелетированы. Невозможно точно установить, находились ли погребенные на этом этапе уже в могиле или в месте временного захоронения тел. В пользу последнего предположения говорит то, что скелеты женщины и ребенка имеют следы погрызов «первого этапа», тогда как на скелете мужчины они практически отсутствуют. С другой стороны, как будет показано ниже, тело мужчины было помещено в сруб значительно позднее. Второй этап, несомненно, протекал в пространстве сруба, животные восполняли потребности в кальции за счет грызения кортикального слоя сухих костей, а также перемещали внутри могилы мелкие кости кисти и стопы. Среди последних встречаются признаки обоих этапов, как выгрызания губчатого вещества, так и неглубоких поверхностных погрызов. Точную видовую принадлежность животных, участвовавших в посмертной «модификации» скелетов в разные периоды, предстоит установить в дальнейшем.

Положение и характеристики скоплений кремированных костей

Методике и результатам исследования кремаций Оглахтинского могильника, в том числе и находящихся в анализируемом нами погребении, уже была посвящена отдельная статья (Shirobokov, 2023). Здесь мы сосредоточимся на возможной реконструкции последовательности действий при размещении кремаций в могиле и определению возможного количества человек, которым принадлежат кремированные останки.

Чаще всего в грунтовых таштыкских могильниках мы имеем дело с кремированными останками, зашитыми внутрь человекоподобной куклы. Сожжение производилось где-то на стороне, затем кремированные кости собирались и помещались в кожаный или берестяной чехол, который, в свою очередь, помещался внутрь погребальной куклы. Экстраординарная сохранность органики в могиле 4 Оглахтинского могильника позволила во всех деталях

описать и изучить такую погребальную куклу (Pankova, Shirobokov, 2021). Однако в остальных случаях археологами фиксируются только компактные скопления кремированных костей, а сама кукла, сделанная из кожи, ткани и набитая травой, полностью истлевает. По количеству таких скоплений в могиле и пытаются определить количество погребенных по обряду кремации. Однако останки могут быть перемешаны грызунами и смещаться при последующих подзахоронениях. Также мы не всегда можем быть уверены в том, что перед нами именно захоронение сожжённого человека в кукле, поскольку возможны и иные варианты кремации и размещения останков.

Всего в анализируемом нами погребении находилось семь скоплений кремированных костей. При этом седьмое скопление выделено нами условно и представляло собой разрозненные кремированные кости, обнаруженные практически по всему дну могилы под берестяным полотном. На этом берестяном полотне длиной 1,66 м и максимальной шириной 0,85 м располагались скопления кремированных костей № 1, 2 и 5. Скопления 3, 4 и 6 располагались в восточной части сруба. Ни в одном из скоплений не зафиксированы признаки, которые позволяли бы утверждать, что в нем захоронены останки двух или более человек. Однако нельзя исключать, что останки одного человека могли быть разделены между разными скоплениями.

Скопление кремированных костей 1 находилось на берестяном полотнище между скелетами 1 и 2 (рис. 1). Размер скопления 0,16 x 0,12 м. Общий вес 93 г, из них 23 г составляют идентифицированные кости черепа. Кости кремации представлены преимущественно кальцинированными фрагментами, кости черепа просто обуглены. Пол погребенного установить не удалось. На одном из фрагментов свода черепа прослеживаются признаки облитерации шва с внутренней стороны, поэтому можно предположить, что останки принадлежали взрослому человеку.

Скопление кремированных костей 2 находилось на берестяном полотнище меж-

ду скелетами 1 и 2, в 0,15 м восточнее кремации 1 (рис. 1). Размер скопления 0,24x0,2 м. Кости преимущественно кальцинированные, но присутствуют и слабообожженные фрагменты. Общая масса останков 1106 г, из них на долю идентифицированных костей черепа приходится всего 58 г. Пол, вероятно, мужской (о чем свидетельствует рельеф надбровья), возраст старше 14 лет.

Скопление кремированных костей 3 находилось в 0,15 м восточнее правой бедренной кости скелета 2 и в 0,15 м севернее южной стенки сруба (рис. 1). Размер скопления 0,12x0,05 м. Фрагменты преимущественно кальцинированные, при этом структура и цвет части костей внешне обладают сходным обликом с костями, подвергнувшимися выветриванию. Общая масса останков 269 г, из них 7 г составляют идентифицированные фрагменты черепа. Принадлежат подростку 11–18 лет.

Скопление кремированных костей 4 находилось в северо-восточном углу могилы (рис. 1). Размер скопления 0,21x0,2 м. Среди кремированных костей залежали необожженные рыбий позвонок и астрагал овцы. Среди фрагментов кремированных костей преобладают слабообожженные останки со следами обугливания. Общая масса останков 389 г, из которых 143 г составляют кости черепа. На момент смерти, вероятно, возраст человека составлял более 40 лет. Пол определить не удалось.

Скопление кремированных костей 5 находилось на берестяном полотнище в северо-западном углу могилы, непосредственно под скелетом 1 (рис. 1). Размер скопления 0,22x0,18 м. Фрагменты костей преимущественно серого каления. Среди костей черепа присутствуют как слабообожженные, так и кальцинированные фрагменты. Общая масса останков 1273 г, из них 89 г составляют идентифицированные кости черепа. Пол предположительно мужской (по размеру зуба эпистрофея, согласно грациям по: Tomilin, 2000), возраст старше 14 лет.

Скопление кремированных костей 6 находилось в юго-восточном углу могилы (рис. 1). Размер скопления 0,12x0,08 м.

Выделено в скопление условно, так как многие кости кремации были выявлены на просевке грунта из этой части погребения. Большая часть костей представлена кальцинированными фрагментами. Общая масса останков 157 г. Масса идентифицированных костей черепа составляет 17 г. Пол предположительно мужской (по размеру головки плюсневой, согласно грациям по: Tomilin, 2000), возраст старше 14 лет.

Скопление кремированных костей 7 выделено условно, так как представляло собой разрозненные кости кремации, обнаруженные практически на дне могилы под берестяным полотном. Среди кремированных костей вперемешку встречались необожженные кости МРС (ребра, астрагалы и лопатки). Однако под скелетами 2 и 3 кремированных костей и костей животных не найдено, что, возможно, говорит об их изначальном нахождении в могиле в момент захоронения костей МРС и кремированных человеческих останков скопления 7. Фрагменты преимущественно кальцинированные, но присутствуют также и обугленные. Общая масса останков составляет 115 г из них 11 г – идентифицированные кости черепа. Пол и возраст погребенного установить не удалось.

Рассмотрим вероятности того, что близко расположенные скопления принадлежат одному человеку.

Скопления 1 и 2 не содержат дублирующих элементов и теоретически могут принадлежать одному человеку. Однако с этим предположением плохо согласуются резкие различия в цветности между костями черепа в скоплениях: обугленные, черные, с коричневыми пятнами в скоплении 1, и преимущественно кальцинированные, бело-серые фрагменты в скоплении 2. Скопление 1 представляет собой самостоятельное парциальное захоронение останков, собранных с кострища или перенесенных из другой могилы. Менее вероятно, хотя и не исключено, что в скоплении 1 и 2 находятся останки одного человека, которые были сознательно разделены на две части при захоронении или перемещены в постдепозиционный период. Последний вариант

можно считать наименее вероятным, учитывая отчетливые различия в цветности костей черепа.

Скопления 3 и 6 также не содержат дублирующих элементов и довольно близки по цветовым характеристикам. При этом в скоплении 3 присутствует фрагмент головки правой первой плюсневой, а в скоплении 6 – фрагмент головки левой первой плюсневой, но последняя имеет несколько большие размеры и, вероятно, не парная. В скоплении 3 присутствует фрагмент правой височной кости со скуловым отростком, а в скоплении 6 – фрагмент левой височной кости со скуловым отростком. Оба фрагмента обожжены до стадии кальцинирования, однако фрагмент из скопления 3 имеет более плотную структуру мелового цвета. Вероятно, в скоплениях представлены фрагменты разных индивидов, хотя доказать это со всей уверенностью не представляется возможным.

Скопление 4 сходно по характеристикам со скоплением 1: кости черепа имеют повышенную долю по сравнению с ожидаемой (18–22 %), кости слабо обожжены, общий вес останков небольшой. В отличие от скопления 1 среди обугленных костей свода черепа преобладают оттенки синеватого и голубого оттенка. Скопление точно не связано со скоплениями 3 и 6: останки принадлежат взрослому человеку, сохранившийся фрагмент правой височной с частью нижнечелюстной ямки (области, анатомически близкой скуловому отростку височной) слабо обожжен.

Скопление 5 содержит дублирующие элементы со скоплениями 2 и 4. Скопление 7 может быть самостоятельным скоплением, отчасти рассеянным в ходе погребальных действий, или смешанной частью других скоплений (1, 2 и 5).

Таким образом, минимальное число погребенных по обряду кремации в анализируемом нами погребении составляет 4 человека, наиболее вероятное – 6 человек.

Отдельным важным вопросом является состояние тела умершего на момент проведения церемонии сожжения. Ранее выдвигались предположения о том, что со-

жжению в таштыкской культуре могли подвергаться скелетированные останки или сохранявшиеся достаточно долгое время мумии (Vadetskaia, 1999: 88; Mit'ko, 2004). Одним из авторов этой статьи уже был сделан подробный анализ маркеров отложенной кремации на всей доступной выборке Оглахтинского могильника (Shirobokov, 2023). Наиболее вероятный случай сожжения останков с частично или полностью разложившимися мягкими тканями в исследуемом нами погребении представляет скопление 2, в котором встречен весь комплекс признаков отложенной кремации: резкие различия в цветности фрагментов анатомически близких элементов, следы погрызов на пястной кости, а также наиболее низкая относительно ожидаемой доля идентифицированных костей черепа. Также в пользу отложенной кремации свидетельствуют следы более интенсивного обжига костей свода черепа с внутренней стороны из скопления 4.

Инвентарь

У таза скелета 2 стоял небольшой лепной круглодонный сосуд с орнаментом в виде резного пояса заштрихованных треугольников. В юго-восточном углу сруба рядом со скоплением кремированных костей № 6 найдено несомкнутое бронзовое колечко. Рядом с черепом скелета 3 найдены плохо сохранившиеся фрагменты гипсовой маски.

На дне могилы и в нижних слоях заполнения обнаружены многочисленные кости животных, в основном в восточной части сруба (рис. 1). Наиболее часто встречаются астрагалы (таранные кости) домашних животных: 12 астрагалов от мелкого рогатого скота и два коровьих астрагала. Кроме того, в могиле находились 11 рёбер и 4 лопатки мелкого рогатого скота. Ребра находились в сочленении по два-три. Интересно также, что все астрагалы принадлежат взрослым особям, тогда как ребра и лопатки исключительно от ягнят и козлят. Можно предположить, что лопатки и ребра – погребальная пища (нежное молодое мясо). Астрагалы же имели какое-то символическое значение и не являлись остатками жертвенной пищи.

Интересным является нахождение в могиле плечевой кости молодой птицы крупного размера, вид которой нам пока не удалось определить. Кроме того, среди скопления кремированных костей № 4 находился позвонок рыбы. Поскольку возникли подозрения, что позвонок использовался в качестве подвески или бусины был проведён трасологический анализ. В результате установлено, что хордовое отверстие в центральной части тела позвонка было расширено с двух сторон. Вся поверхность по контуру отверстия и внешняя поверхность предмета имеют интенсивную заполировку. Судя по всему, в расширенное хордовое отверстие позвонка был продет кожаный шнурок, а сам позвонок был бусиной в составе наборного ожерелья. В результате контакта с одеждой и другими элементами этого украшения на поверхности тела позвонка образовались насечки, выкрошенность и общий неутилитарный износ.

Хронология

Анализируемый нами погребальный комплекс не содержит инвентаря, который может служить надежным хронологическим индикатором.

Обряд сожжения срубов в грунтовых могилах представляет собой достаточно редкое явление по сравнению с повсеместными ритуальными поджогами таштыкских склепов. Кроме Оглахтинского могильника следы сожжения срубов известны по материалам грунтовых кладбищ Новая Черная V, Таштык, Красная грива и Барсучиха-II (Vadetskaia, 1999: 211, 224, 229–230).

Э.Б. Вадецкая объясняла развитие таштыкского обряда в эволюционном ключе, согласно которому обряд со временем усложнялся, что в конечном итоге привело к появлению крупных коллективных захоронений в склепах. По её мнению, коллективные захоронения в грунтовых могилах и сожжения срубов являются поздними чертами обряда грунтовых могил и своеобразным переходным этапом к появлению склепов (Vadetskaia, 1999: 66). Однако хронологическая позиция исследованного

нами коллективного погребения в сожжённом срубе на Оглахтинском могильнике отрицает такую эволюционную модель изменения погребального обряда.

Дендрохронологические исследования древесины из различных погребений Оглахтинского могильника и построение «плавающей» древесно-кольцевой хронологии установили, что могила 2/2022 является самой ранней относительно других исследованных захоронений как на западном, так и восточном участках кладбища (Slyusarenko, Garkusha, 2023). То есть парные и коллективные биритуальные грунтовые захоронения в несожженных срубах не предшествовали, а наоборот, были совершены несколько позже анализируемого нами коллективного погребения в сожжённом срубе. При этом интервал сооружения погребений на Оглахтинском могильнике укладывается в 50–55 лет (Slyusarenko, Garkusha, 2023).

До деталей похожий ритуальный сценарий был ранее зафиксирован на грунтовом могильнике Красная грива в могиле 14 (Vadetskaia 1999: 210), датированной радиоуглеродным методом I–III вв.н.э. (Zaitseva et al., 2007; Vodyasov, Zaitseva, 2023). Здесь было совершено коллективное захоронение кукол с кремациями внутри, после чего поверх них уложили троих умерших, один из которых лежал лицом вниз с сильно закинутыми за спину руками, скорее всего, связанными. После чего сруб был подожжен. Всё это очень напоминает картину действий при совершении захоронений в анализируемой нам могиле 2/2021 Оглахтинского могильника.

В настоящее время ведётся работа по получению абсолютных дат дендробразцов Оглахтинского могильника с помощью процедуры «wiggle-matching». Пока интересные результаты даёт анализ имеющихся в нашем распоряжении 4 дат для нашей могилы (табл. 1).

Радиоуглеродная дата из внешней части бревна после калибровки дала широкий диапазон в рамках 346 г. до н.э.– 241 г.н.э. (2σ). Комбинированная дата для трех скелетов, прошедшая статистическую провер-

Таблица 1. Радиоуглеродные AMS-даты образцов из могилы 2021/2 Оглахтинского могильника. Калибровка произведена в программе OxCal v4.2.4 (Bronk, Ramsey et al., 2013) с помощью калибровочной кривой IntCal20 calibration curve (Reimer et al., 2020)

Table 1. Radiocarbon AMS dates of samples from grave 2021/2 of the Oglakhtinsky burial ground. Calibration was performed in OxCal v4.2.4 (Bronk, Ramsey et al., 2013) using the IntCal20 calibration curve (Reimer et al., 2020)

Лабораторный индекс	Материал	Контекст	14C BP	Cal AD (68.2 %)	Cal AD (95.4 %)
EAAMS-113	дерево	Западная стенка сруба, 1-й венец, внешняя часть бревна	1994 ± 94	BC 107–155 AD	BC 346–241 AD
NTU-AMS-8505–1	Кость человека, коллаген	Скелет № 1 (мужчина)	1757 ± 98	AD 175–418	AD 76–540
NTUAMS-8506	Кость человека, коллаген	Скелет № 2 (женщина)	1803 ± 100	AD 125–365	BC 35–530 AD
NTUAMS-8507	Кость человека, коллаген	Скелет № 3 (ребенок)	1629 ± 100	AD 263–550	AD 235–639
Объединенные даты для трех скелетов (функция Combine)				AD 252–402	AD 208–527

ку на согласованность в программе OxCal, укладывается в более узкие календарные границы 252–402 гг.н.э. (1σ) и 208–527 гг.н.э. (2σ). В любом случае наиболее вероятно, что смерть индивидов, похороненных по обряду ингумации, наступила позднее времени рубки дерева для строительства погребального сруба (табл. 1). Дендрохронологические определения показали, что древесина из знаменитой могилы 4, исследованной Л.Р. Кызласовым в 1969 г., оказалась примерно на 50–55 лет позже могилы 2/2021 (Slyusarenko, Garkusha, 2023: 229). Для могилы 4 имеется серия из 15 радиоуглеродных дат, надежно определяющая общую дату комплекса в пределах второй половины 3 века н.э. (Tarasov, et al., 2022). Это дает основания предварительно датировать наш комплекс II–III вв.н.э.

Заключение: возможная реконструкция последовательности ритуальных действий

Ни один человек не был погребён в анализируемую нами коллективную могилу сразу после смерти. Все три ингумации имеют признаки вторичного погребения, при котором тела первоначально находи-

лись в другом месте какое-то время, необходимое для частичного скелетирования. Трепанация у женщины и погребальная гипсовая маска у ребёнка также указывают на посмертные манипуляции.

Установить, как долго и где находились куклы-манекены с кремациями до погребения в срубе, не представляется возможным. Необходимо только отметить, что такая кукла с кремированным прахом очень удобна в транспортировке, не разлагается и может теоретически очень долго находиться в мире живых или временами извлекаться откуда-то для ритуального «общения». Очень важным открытием является также и то, что не все тела сжигались вскоре после смерти. В двух случаях (скопления 2 и 4) нам удалось зафиксировать достоверные следы отложенной кремации, когда между моментом смерти и сожжением существовал некоторый промежуточный этап, в течение которого тело умершего где-то хранилось, а мягкие ткани подвергались естественному разложению и повреждению грызунами.

Многоактность и вариативность погребальных практик таштыкской куль-

туры не раз отмечались исследователями (Vadetskaia, 1999; Zaitseva, Vodyasov, Shirin, Slyusarenko, 2021; Zaitseva, 2023; Shirobokov, 2023).

В нашем случае установить четкую последовательность размещения останков всех погребенных в срубе вряд ли возможно. Тем не менее ряд гипотетических предположений по этому поводу всё-таки можно сделать:

1 этап – в южную часть погребального сруба головами на запад были помещены останки женщины и ребенка (скелеты 2 и 3). У пояса женщины был поставлен круглодонный сосуд. На ребенке в момент похорон была гипсовая маска. Возможно, в это же время или даже раньше в могилу поместили кремированные останки (условное скопление 7). Кремированные кости зафиксированы по дну могилы, но не заходят под костяки 2 и 3. Находились ли кремированные кости в кукле или были размещены иным способом не ясно из-за их сильной рассеянности по дну могилы. Среди кремированных костей человека встречено также множество бараньих ребер, лопаток и астрагалов, то есть в могилу была помещена жертвенная пища.

2 этап – в сруб поверх кремированных костей скопления 7 выстелили берестяное полотнище в его северной половине. На нем, вероятно, были захоронены «куклы»: две – в западной части могилы (скопления кремированных костей 2 и 5) и одна – в восточной части (скопление кремированных костей 4). «Куклы» 2 и 5 были уложены головой на запад, «кукла» 4 – на север или восток, учитывая расположение кремированных костей. Не исключено, что скопление 1 и 2 – остатки от одной куклы, так как для двух здесь не хватило бы места. На берестяном полотне также размещалась жертвенная пища.

Время и способ размещения в могиле скопления кремированных костей № 3 и 6

остаются не совсем понятными. Скопления находятся рядом и по их размещению не исключено, что в могилу была помещена ещё одна кукла или же это останки от двух человек и представляют собой неполные парциальные кремации, захороненные без куклы.

3 этап – не заполненный грунтом погребальный сруб был подождён, так как следов прокала внутри сруба не фиксируется. Зато фиксируются следы обжига на скелетах женщины и ребёнка.

4 этап – были убраны несколько полусгоревших брёвен перекрытия, и в сруб были помещены останки мужчины (скелет 1). В могилу он был помещен на животе, лицом вниз. Мужчина был положен прямо сверху погребальной куклы (скопление кремированных костей № 5). Следов обжига на его скелете нет.

Подхоронение мужчины в уже сожжённый сруб, как нам видится, явление экстраординарное, так как обычно сожжение сруба или склепа с погребенными означало финальный этап обрядового цикла.

Исследованная нами коллективная могила в сожженном срубе датируется II–III вв.н.э. Предложенное ранее эволюционное изменение таштыкского обряда от простого (грунтовые могилы) к сложному (коллективные погребения в сожженных склепах) через промежуточный этап с коллективными погребениями в сожженных срубах, в свете полученных нами данных требует корректировки.

Приложения / Applications

Список литературы / References

- Bronk Ramsey C., Scott M., van der Plicht H. Calibration for archaeological and environmental terrestrial samples in the time range 26–50 ka cal BP. In: *Radiocarbon*, 2013, 55 (4), 2021–2027. DOI: 10.2458/azu_js_rc.55.16935
- Klippel W.E., Synsteliën J.A. Rodents as taphonomic agents: bone gnawing by brown rats and gray squirrels. In: *Journal of Forensic Sciences*, 2007, 52 (4), 765–773.
- Kyzlasov L.R. Otchet o rabote Hakasskoj arheologicheskoi ekspedicii MGU v 1969 g. / AIA RAN. F-1. R-1. D. 4010. 56 l.; D. 4010a (al'bom). 29 l. 220 il.
- Mit'ko O.A. Tashtykskaia krematsiia i mumifikatsiia [Tashtyk cremation and mummification]. In: *Evraziia: kul'turnoe nasledie drevnikh tsivilizatsii. Paradoksy arkheologii [Eurasia: Cultural Heritage of Ancient Civilisations. Paradoxes of archaeology]*. 3. Novosibirsk, 2004. 164–180.
- Pankova S.V., Shirobokov I.G. Pogrebal'naya kukla s kremaciej iz Oglaktinskoi mogily 4 (raskopki L.R. Kyzlasova 1969 g.) [Burial Mannequin with Cremains from the Grave 4 of the Oglakhty Burial Ground (Excavations by L.R. Kyzlasov, 1969)]. In: *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia [Siberian Historical Research]*, 2021, 3, 60–96. DOI: 10.17223/2312461X/33/3
- Reimer P., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P., Bronk Ramsey C., . . . Talamo S. The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 kcal BP). In: *Radiocarbon*, 2020, 62 (4), 725–757. DOI: 10.1017/RDC.2020.41
- Shirobokov I.G. Kremacii Oglaktinskogo mogil'nika: sluchajnaya izmenchivost' ili variativnost' pogrebal'nyh praktik? [Cremations at the Oglakhty Burial Ground: Random Variability or Variation in Funerary Practices?]. In: *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia [Siberian Historical Research]*, 2023, 3, 272–295. DOI: 10.17223/2312461X/41/14
- Slyusarenko I.Y., Garkusha, Y.N. Dendrochronologicheskoe issledovanie drevesiny iz Oglaktinskogo mogil'nika: pervye rezul'taty [Dendrochronological Study of Wood from the Oglakhty Burial Ground of the Tashtyk Culture (Republic of Khakassia): First Results]. In: *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia [Siberian Historical Research]*, 2023, 3, 204–235. DOI: 10.17223/2312461X/41/12
- Synsteliën J.A. *Studies in taphonomy: bone and soft tissue modifications by postmortem scavengers*. PhD diss., University of Tennessee, 2015. Available at https://trace.tennessee.edu/utk_graddiss/3313 (accessed 5 April 2024).
- Tarasov P.E., Pankova S.V., Long T., Leipe Ch., Kalinina K.B., Panteleev A.V., Ørsted Brandt L., Kyzlasov I.L., Wagner M. (2022) New results of radiocarbon dating and identification of plant and animal remains from the Oglakhty cemetery provide an insight into the life of the population of southern Siberia in the early 1st millennium CE, In *Quaternary International*. 623. 169–183. DOI: 10.1016/j.quaint.2021.12.004
- Tomilin V.V. (ed.) *Mediko-kriminalisticheskaiia identifikatsiia. Nastolnaia kniga sudebno-meditsinskogo eksperta [Medical and forensic identification. Desk book forensic medical expert]*. Moscow: NORMA-INFRA Publ. 2000. 472 p.
- Uchaneva E.N., Malyutina A.A., Pankova S.V. Trasologicheskoe izuchenie posmertnyh trepanacij na cherepah iz tashtykskogo gruntovogo mogil'nika Oglakhty [Traceological Study of Postmortem Trepanations on Crania from the Oglakhty Cemetery (the Tashtyk Culture, 2nd-4th century AD)]. In: *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia [Siberian Historical Research]*, 2023, 3, 236–271. DOI: 10.17223/2312461X/41/13
- Vadetskaia E.B. *Tashtykskaia epokha v drevnei istorii Sibiri [Tashtyk epoch in the ancient history of Siberia]*. St. Petersburg.: Tsentr «Peterburgskoe Vostokovedenie» (Archaeologica Petropolitana, VII). 1999. 440 p.
- Vodyasov E.V. *Otchyot ob arheologicheskikh rabotah na territorii Bogradskogo rajona Respubliki Hakasiya v 2021 g.: issledovaniia Oglaktinskogo gruntovogo mogil'nika*. Otkrytyj list № 1467–2021. Tomsk, 2022. 227 p.
- Vodyasov E.V., Pankova S.V., Zaitseva O.V., Vavulin M.V. Oglakhtinskii mogil'nik: istoriya otkrytii, planigrafiya i sovremennoe sostoyanie [The Oglakhty burial ground: History of discovery, planigraphy, and

current state]. In: *Sibirskie istoricheskie issledovaniya [Siberian historical research]*, 2021, 3, 6–23. DOI: 10.17223/2312461X/33/1

Vodyasov E. V., Zaitseva O. V. Tesinskie i tashtykskie pogrebal'nye komplekсы: hronologicheskie paradoksy [Tes' and Tashtyk Burial Grounds: Chronological Paradoxes], In *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia [Siberian Historical Research]*, 2023, 3, 296–315. DOI: 10.17223/2312461X/41/15

Zaitseva O. V. V poiskah pustoty: problemy i perspektivy obnaruzheniya pogrebenij s sohrannoj organikoj na Oglaktinskom mogil'nike. Vvedenie k special'noj teme [Searching for the Emptiness: Problems and Prospects for Discovering Burials with Preserved Organic Matter at the Oglakhty Burial Ground. An Introduction to the Special Topic of this Issue]. In: *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia [Siberian Historical Research]*, 2023, 3, 196–203. DOI: 10.17223/2312461X/41/11

Zaitseva G. I., Sementsov A. A., Lebedeva L. M., Pankova S. V., Vasil'ev S. S., Dergachev V. A., Iunger Kh., Sonninen E. Novye dannye o khronologii pamiatnika Oglakhty-6 [New data on the chronology of the Oglakhty-6 monument], In: *Radiouglerod varkheologicheskikh i paleoekologicheskikh issledovaniikh: mat-ly konf., posviashch. 50-letiiu radiouglerodnoi laboratorii IIMK RAN. 9–12 apreliia 2007 g., Sankt-Peterburg* [Radiocarbon in archaeological and paleoecological research: conference proceedings, dedicated to the 50th anniversary of the radiocarbon laboratory of the IHMC RAS. April 9–12, 2007, St. Petersburg]. St. Petersburg: Teza, 2007. 300–307.

Zaitseva O. V., Vodyasov E. V., Shirin Yu. V., Slyusarenko I. Yu. Mnogoaktnost' ritual'nykh deistvii i ekskumatsiya v tashtykskikh pogrebal'nykh kompleksakh (pomaterialam raskopok Oglakhtinskogo mogil'nika v 2020 g.) [Multiple activities of ritual actions and exhumation in Tashtyk cemeteries (based on excavation data from the Oglakhty cemetery in 2020)]. In: *Sibirskie istoricheskie issledovaniya [Siberian historical research]*, 2021, 3, 97–107. DOI: 10.17223/2312461X/33/4